

К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ КОРРУПЦИИ КАК ФАКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ*

*Р. С. Гринберг, А. В. Коротаев,
С. Э. Билюга, Д. А. Быканова*

Проведенные нами эмпирические тесты показали, что уровень коррумпированности оказывается неожиданно сильным статистически значимым предиктором вероятности попыток насильственной смены руководства страны (учитывались как успешные, так и неудачные попытки смены, совершенные как революционным путем, так и с помощью заговоров и переворотов). Рассмотрена и отвергнута гипотеза о том, что первопричиной здесь является рост подушевого ВВП (для которого также наблюдается очень сильная отрицательная корреляция с интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны). Проведенный анализ заставляет предполагать, что мы имеем дело скорее с противоположной направленностью – рост ВВП отрицательно коррелирует с вероятностью попыток насильственной смены руководства страны в очень высокой степени из-за того, что он в долгосрочной тенденции сопровождается снижением коррумпированности. Наш анализ также позволяет предполагать, что снижение коррупции может быть достаточно мощным средством укрепления политической стабильности. Действительно, повышение позиции страны в рейтинге Transparency International на один пункт десятибалльной шкалы (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены руководства страны почти на 40 %, что имеет эффект заметно более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

Коррупция уже давно стала объектом пристального внимания исследователей. Например, активно изучается негативное влияние коррупции на инвестиции и экономический рост (Mauro 1995; Var-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00521).

ro 1996; Bardhan 1997; Kaufmann *et al.* 1999; Acemoglu, Robinson 2010; Julio, Yook 2012; Bazzi, Clemens 2013); на распределение государственных расходов на образование и здравоохранение (Mauro 1995; 1998a; 1998b; Méon, Weill 2010; Arin *et al.* 2011; Dzhumashev 2014) и в более общем плане – на эффективное распределение ресурсов (Krueger 1974; Hessami 2014; Aidt 2016).

Значительное внимание также уделяется изучению влияния коррупции на благосостояние граждан (Bertrand *et al.* 2000), образовательные процессы (Sacerdote 2001), социальную мобильность (Borjas 1992; Granovetter 2007; Bisin, Verdier 2010; Ariu, Squicciarini 2013; Dimant *et al.* 2013; Schneider 2015), безработицу (Тора 2001; Mocan 2008; Buehn, Schneider 2009; Goldstone 2011; Ionescu 2012; Umaru *et al.* 2013; Asaju *et al.* 2014; Casal 2015), а также на уровень преступности (Case, Katz 1991; Travis 2005; Buonanno *et al.* 2009; Akçomak, ter Weel 2012) и т. д.

Многие исследователи также уже обращали внимание на то обстоятельство, что уровень коррупции может выступать в качестве мощной социально-политической дестабилизирующей силы (Bicchieri, Rovelli 1995; Mauro 1995; Gould, Amaro-Reyes 1983; Della Porta, Vannucci 1997; Scott 2007; Янковая 2011; Египетские... 2011; Stangler, Litan 2011; Асанбеков 2012; Khestanov 2017; Kupatadze 2012; Goldstone 2014 и др.)¹.

Так, Дж. Голдстоун рассматривает коррупцию в качестве важного фактора дестабилизационной волны 2014 г. в Таиланде, на Украине, в Венесуэле и Боснии. «Не должно вызывать удивления, что эти четыре страны характеризуются как высокор腐умпированные: согласно Transparency International, Таиланд занимает 102-е, Украина – 144-е, а Венесуэла – 160-е место по уровню восприятия коррупции. В 2012 г. Transparency International охарактеризовал Боснию как несколько менее коррумпированную страну, поставив ее на 72-е место; но в прошлом году уровень воспринимаемой коррупции для этой страны резко вырос, и одной из основных претензий протестующих в ней было то, что проведенная боснийским правительством в прошлом году приватизация государственного имущества представляла собой спектакль самой откровенной коррупции» (Goldstone 2014).

Действительно, наш собственный анализ дестабилизационной волны 2013–2014 гг. показал, что высокий уровень коррупции яв-

¹ Некоторые исследователи полагают, что высокий уровень коррупции характерен в особенности для молодых государств, с чем, возможно, связан свойственный им повышенный уровень социально-политической нестабильности (см., например: Tiihonen 2003).

лялся в этот период времени статистически значимым предиктором дестабилизации по модели «центрального коллапса» (Коротаяев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2015).

Однако систематической эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая оценка будет приведена в данной статье.

Материалы и методы

Для эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции в качестве независимой переменной был выбран индекс коррумпированности, построенный нами на основе индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index [CPI]), рассчитанного организацией *Transparency International* на период с 1995 по 2015 г. (Corruption... 2017). Несмотря на свое название, данный индекс представляет собой индекс некоррумпированности государств, так как максимальное значение индекса («100») соответствует минимальному уровню коррумпированности, а минимальное значение («0») – его максимальному уровню. Для трансформации данного индекса в индекс коррумпированности значения CPI были вычтены из 100. Кроме того, для обеспечения сопоставимости индекса коррумпированности за периоды 1995–2011 и 2012–2015 гг. полученное число было поделено на десять.

В качестве контрольной независимой переменной использовался показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности с 1960 по 2016 г. в постоянных долларах 2011 г. (World Bank 2017).

В качестве зависимой переменной была взята переменная *CNTS domestic7* базы данных *CNTS (Cross National Time Series)*². Эта переменная имеет несколько вводящее в заблуждение название *Revolutions* («Революции»). К «Революциям» (*Revolutions, domestic7*) система *CNTS* относит «любые незаконные или связанные с

² База данных *Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом (Banks, Wilson 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержатся около 200 переменных для более чем 200 стран, годовые значения переменных начиная с 1815 г. В ней исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг. База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений» (Banks, Wilson 2017: 12).

Таким образом, эта категория включает в себя не только и не столько революции³, сколько перевороты и попытки переворотов. То есть по сути речь идет о любой насильственной смене руководства той или иной страны или попытках такой смены. Поэтому в данной статье речь пойдет о коррупции как факторе насильственной смены руководства страны (как революционным путем, так и путем переворотов), который может рассматриваться в качестве одного из важнейших проявлений политической нестабильности.

В данном случае классическая линейная регрессия не является адекватным инструментом анализа, потому что допущения МНК в нашем случае не соблюдаются (прежде всего распределение зависимой переменной вызывающе далеко от нормального). Поэтому в качестве основных методов нами были использованы множественная биномиальная логистическая регрессия, а также корреляционный подецильный анализ⁴.

Тесты

Для проверки гипотезы о том, что коррумпированный режим оказывается менее прочным, чем некоррумпированный, воспользуемся биномиальной логистической регрессией (см. Табл. 1).

Табл. 1. Результаты биномиальной логистической регрессии для попыток насильственной смены руководства страны и для индекса коррумпированности

	<i>Зависимая переменная: cnts_domestic7_2</i>
Corruption	1,777*** (0,057)
Константа	0,003*** (0,406)
Наблюдения	2,539
Log Likelihood	-756,719
Akaike Inf. Crit.	1,517.437

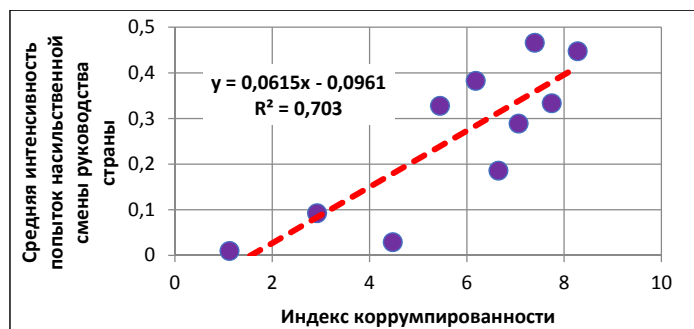
Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. Зависимая переменная cnts_domestic7_2: «0» – отсутствие, «1» – наличие; независимая переменная – corruption.

³ Нашу сводку определений революции см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016.

⁴ Дело в том, что подецильная группировка позволяет нормализовать распределение.

Из результатов тестирования видно, что между уровнем коррумпированности режима и вероятностью его насильственной смены существует статистически значимая связь. При этом при увеличении индекса коррумпированности на один пункт вероятность осуществления государственного переворота или попытки переворота увеличивается в 1,77 раза.

Проведем теперь тест с использованием другого способа нормализации данных, а именно – при помощи подецильного линейного регрессионного анализа (см. Рис. 1).

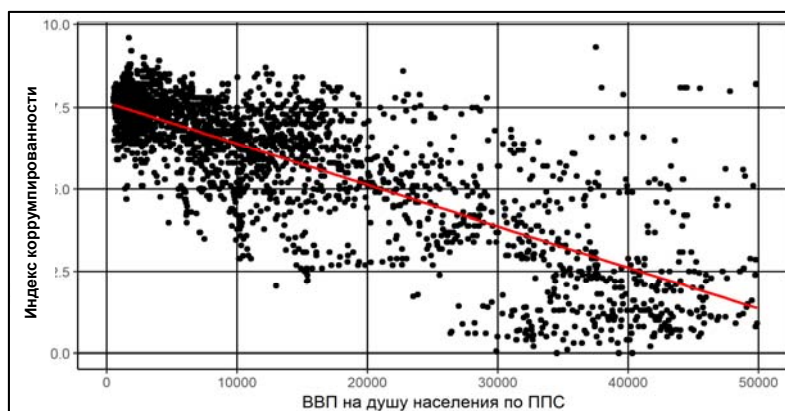
Рис. 1. Корреляция индекса коррумпированности со средней интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны (Corruption... 2017) на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии (Banks, Wilson 2017)

Примечание: $r = 0,838$, $R^2 = 0,703$, $p = 0,01$ (односторонний тест значимости).

При подецильном анализе корреляция между индексом коррупции и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны оказывается откровенно сильной ($r = 0,838$). Если в 10 % страно-лет с самым низким значением индекса коррупции попытки насильственной смены руководства страны фиксируются как один случай в 100 лет (0,01), то в 10 % страно-лет с самым высоким значением индекса коррупции в среднем наблюдается около одной такой попытки каждые два года. В целом же индекс коррупции объясняет 70 % дисперсии интенсивности попыток насильственной смены руководства страны по децилям.

Альтернативным объяснением может служить то, что реальным фактором здесь является не сама коррупция, а уровень подушевого

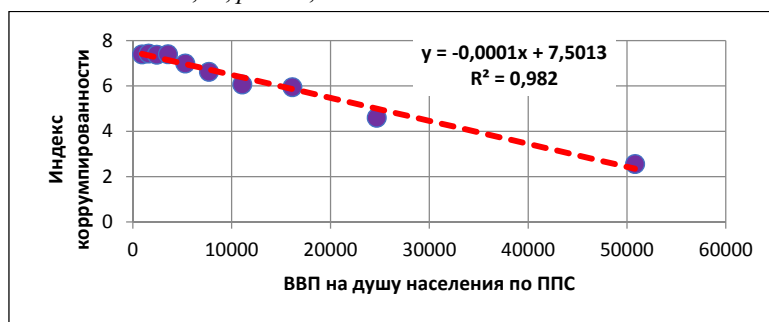
ВВП. Дело в том, что ВВП на душу населения демонстрирует очень тесную отрицательную корреляцию с уровнем коррумпированности соответствующих стран (см. Рис. 2–3).

Рис. 2. Корреляция ВВП на душу населения по ППС (в интервале до 50 тыс. долларов) с индексом коррумпированности на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром регрессии

Источники данных: World Bank 2017; Corruption... 2017.

Примечание: $R^2 = 0,63$, $p \ll 0,001$.

Рис. 3. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и средним значением индекса коррумпированности на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

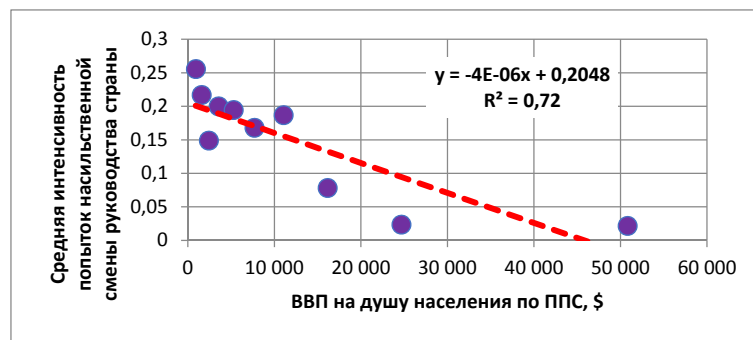
Источники данных: World Bank 2017; Corruption... 2017.

Примечание: $r = 0,991$, $R^2 = 0,982$, $p \ll 0,001$ (односторонний тест значимости).

Данная тесная отрицательная корреляция не представляется случайной: с одной стороны, уменьшение коррупции способствует ускорению экономического роста страны (см., например: Mauro 1995; Barro 1996; Bardhan 1997; Kaufmann *et al.* 1999; Acemoglu, Robinson 2010; Julio, Yook 2012; Bazzi, Clemens 2013); с другой – экономический рост в долгосрочной перспективе ведет к снижению уровня коррупции. Действительно, целый ряд исследователей отмечает, что коррупция значимо чаще наблюдается в тех случаях, когда государственным служащим выплачивается очень низкая заработная плата и им часто приходится прибегать к сбору взяток, чтобы обеспечить свои семьи. Статистически значимая зависимость между низкой зарплатой чиновников и коррупцией выявлена, например, в кросс-национальном эмпирическом анализе, осуществленном исследователями К. Ван Рийкехем и Б. Ведер, результаты которого выявили, что коррупция значительно выше в тех странах, в которых зарплата чиновников существенно ниже заработной платы на производстве (Van Rijckeghem, Weder 2001). Отметим и исследование российского фонда ИНДЕМ, в ходе которого осуществлялся статистический анализ между переменными, характеризующими уровень оплаты должностных лиц в различных странах, и переменными, описывающими уровень коррупции и эффективность бюрократии в этих странах (база данных содержала сведения о 47 странах мира и включала 51 переменную); оно выявило, что коррупция имеет тенденцию уменьшаться при повышении заработной платы служащих: большая часть исследованных переменных, характеризующих уровень коррупции, дала значимо высокую отрицательную групповую корреляцию с переменной «зарплата чиновника» (ИНДЕМ 2002). В более богатых странах появляется возможность установить обладателям коррупциогенных должностей жалование, однозначно обеспечивающее достойный уровень жизни, что нередко ведет к снижению уровня коррупции (см., например: Mauro 1998a; 1998b; UNODC 2004: 51–52, 120–132; Коротаев, Халтурина 2008: 181–201).

С другой стороны, достаточно давно известно о довольно сильной отрицательной корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны⁵ (Belkin, Schofer 2003; Bouzid 2011; Коротаев, Васькин, Билуа 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017: 59–63; см. также Рис. 4).

⁵ Речь идет прежде всего о государственных переворотах.

Рис. 4. Корреляция ВВП на душу населения по ППС со средней интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Источники данных: World Bank 2017; Banks, Wilson 2017.

Примечание: $r = 0,849$, $R^2 = 0,72$, $p = 0,001$ (односторонний тест значимости).

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны оказывается очень сильной ($r = 0,849$). Если в 10 % страно-лет с самым низким значением ВВП на душу населения попытки насильственной смены руководства страны фиксируются как один случай в 5 лет, то в 10 % страно-лет с самым высоким значением ВВП на душу населения в среднем наблюдается около одной такой попытки в 50 лет. В целом же ВВП на душу населения объясняет 72 % дисперсии интенсивности попыток насильственной смены руководства страны по децилям. Это в целом неудивительно – чем выше ВВП на душу населения, тем больше ресурсов в тенденции в своем распоряжении имеет руководство страны, что не может в перспективе не повышать его устойчивость⁶.

⁶ Вместе с тем если брать только революции (в особенности по модели «центрального коллапса»), корреляция между подушевым ВВП и ними окажется скорее криволинейной, чем отрицательной: «Революции чаще происходят не в самых бедных странах, а в странах со средним уровнем дохода» (Голдстоун 2015: 23; см. также, например: Коротаев, Исаев, Васильев 2015). Дело в том, что для революции, понимаемой как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации... во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» (Голдстоун 2015: 15), кроме неустойчивости власти требуется еще и массовая мобилизация, которая в самых бедных странах заметно менее вероятна, чем в странах среднеразвитых (см., например: Коротаев, Васильев, Билюга 2017; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017а; 2017б; Коротаев, Гринин

Биномиальная логистическая регрессия также подтверждает тесную отрицательную связь между ВВП на душу населения и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны (см. Табл. 2).

Табл. 2. Результаты биномиальной логистической регрессии для попыток насильственной смены руководства страны и для логарифма ВВП на душу населения по ППС

	<i>Зависимая переменная: cnts_domestic7_2</i>
log(gdp_per_capita_PPP_WB)	0,490*** (0,048)
Константа	56,961*** (0,394)
Наблюдения	3,816
Log Likelihood	-1,219.874
Akaike Inf. Crit.	2,443.747

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,0$. Зависимая переменная cnts_domestic7_2: «0» – отсутствие, «1» – наличие; независимая переменная – log(gdp_per_capita_PPP_WB).

Как мы видим, данная логистическая регрессия позволяет предположить, что при увеличении ВВП на душу населения на один порядок вероятность попытки насильственной смены руководства страны снижается более чем в два раза.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что интенсивность попыток насильственной смены руководства страны в реальности зависит не от уровня ее коррумпированности, а от уровня экономического развития страны, измеряемого при помощи подушевого ВВП.

Для проверки этой гипотезы используем множественную биномиальную логистическую регрессию с попытками насильственной смены руководства страны в качестве зависимой переменной, а также индексом коррумпированности и ВВП на душу населения в качестве независимых переменных (см. Табл. 3).

и др. 2017: 48–109; Korotayev *et al.* 2017). Это не мешает корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены власти оставаться отрицательной (так как революции среди всех успешных попыток насильственной смены руководства страны составляют во всех базах данных лишь небольшой процент).

Табл. 3. Результаты множественной биномиальной логистической регрессии

	<i>Зависимая переменная:</i> cnts_domestic7_2
Corruption	1,655 ^{***} (0,068)
log(gdp_per_capita_PPP_WB)	0,844 ^{**} (0,075)
Константа	0,019 ^{***} (0,975)
Наблюдения	2,499
Log Likelihood	-743,487
Akaike Inf. Crit.	1,492,974

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. В модели рассматривались три переменных: в качестве зависимой – дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны (cnts_domestic7_2), в качестве независимых – индекс коррумпированности (corruption) и логарифм ВВП на душу населения (log gdp_per_capita_PPP_WB).

Как мы видим, индекс коррумпированности в высшей степени успешно выдерживает контроль на подушевой ВВП. При добавлении этого контроля сила индекса коррумпированности уменьшается незначительно: то есть увеличение индекса на один пункт приводит к росту вероятности попытки насильственной смены режима не на 77 %, а на 65 %, а вот при контроле на коррумпированность увеличение подушевого ВВП на один порядок вызывает уменьшение вероятности попытки насильственной смены руководства страны уже не на 51 %, а на 16 %.

Таким образом, скорее отрицательную корреляцию между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны следует объяснять тем, что экономический рост в долгосрочной тенденции сопровождается (в силу разного рода причин) уменьшением уровня коррумпированности, нежели наоборот.

Для оценки потенциала снижения коррупции как возможного средства укрепления политической стабильности проделаем ту же самую множественную биномиальную логистическую регрессию, заменив индекс коррумпированности на 10-балльный индекс вос-

приятия коррупции *Transparency International*, где 10 баллов означают предельно низкий уровень коррумпированности (см. Табл. 4).

Табл. 4. Результаты множественной биномиальной логистической регрессии

	Зависимая переменная: cnts_domestic7_2
non_corruption	0,604*** (0,068)
log(gdp_per_capita_PPP_WB)	0,844** (0,075)
Константа	2,971* (0,562)
Наблюдения	2 499
Log Likelihood	-743,487
Akaike Inf. Crit.	1,492,974

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. В модели рассматривались три фактора: в качестве зависимой переменной дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны (cnts_domestic7_2), индекс восприятия коррупции *Transparency International*, 10-балльная шкала (non_corruption) и логарифм ВВП на душу населения log(gdp_per_capita_PPP_WB).

Как мы видим, повышение позиции страны в рейтинге *Transparency International* на один пункт (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены руководства страны почти на 40 %, что имеет эффект заметно более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

* * *

Проведенный нами количественный анализ позволяет прийти к выводу о том, что уровень коррумпированности действительно является мощным статистически значимым предиктором вероятности попыток насильственной смены руководства страны (напомним, что в нашем случае мы имеем в виду и успешные, и неудачные попытки, совершенные как революционным путем, так и с помощью заговоров и переворотов). При этом гипотеза о том, что первопричиной здесь является рост подушевого ВВП (для которого также

наблюдается очень сильная отрицательная корреляция с интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны), не подтвердилась. Проведенный анализ заставляет предполагать, что мы имеем дело скорее с противоположной направленностью – рост ВВП отрицательно коррелирует с вероятностью попыток насильственной смены руководства страны в очень высокой степени из-за того, что он в долгосрочной тенденции сопровождается снижением коррумпированности. Наш анализ также позволяет предполагать, что снижение коррупции может быть достаточно мощным средством укрепления политической стабильности. Действительно, повышение позиции страны в рейтинге *Transparency International* на один пункт (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены руководства страны почти на 40 %, что имеет эффект заметно более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

Библиография

- Асанбеков М. К. 2012.** Коррупция – мать революций. *Время востока* 7 января. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/2/4/1033.html> (дата обращения: 04.08.2017).
- Голдстоун Д. А. 2015.** *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Учители.
- Египетские страдания. 2011.** *Евроьюс* 25 января. URL: <http://ru.euronews.net/2011/01/25/discontent-simmers-in-egypt/>.
- ИНДЕМ. 2002.** Заработная плата и коррупция: как платить российским чиновникам? *Аналитический доклад*. ИНДЕМ. М. URL: http://www.anticorr.ru/indem/2002salary_corruption.htm.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016.** ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4(26): 72–94.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017а.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017б.** Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования* 2: 155–169.

- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017.** Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2008.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: URSS.
- Янковая Н. 2011.** Беспорядки «заморозили» экономику Египта. *Вести* 12 февраля. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=427997&m=1&photo=1>.
- Acemoglu D., Robinson J. 2010.** *The Role of Institutions in Growth and Development*. N. p.: World Bank Publications.
- Aidt T. S. 2016.** Rent Seeking and the Economics of Corruption. *Constitutional Political Economy* 27(2): 142–157.
- Akçomak İ. S., ter Weel B. 2012.** The Impact of Social Capital on Crime: Evidence from the Netherlands. *Regional Science and Urban Economics* 42(1): 323–340.
- Arin K. P. et al. 2011.** Why are Corrupt Countries less Successful in Consolidating their Budgets? *Journal of Public Economics* 95(7): 521–530.
- Ariu A., Squicciarini M. P. 2013.** The Balance of Brains – Corruption and Migration. *EMBO Reports* 14(6): 502–504.
- Asaju K., Arome S., Anyio S. F. 2014.** The Rising Rate of Unemployment in Nigeria: the Socio-Economic and Political Implications. *Global Business and Economics Research Journal* 3(2): 12–32.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 02.09.2017).
- Bardhan P. 1997.** Corruption and Development: a Review of Issues. *Journal of Economic Literature* 35(3): 1320–1346.
- Barro R. J. 1996.** *Determinants of Economic Growth: a Cross-Country Empirical Study*. N. p.: National Bureau of Economic Research.
- Bazzi S., Clemens M. A. 2013.** Blunt Instruments: Avoiding Common Pitfalls in Identifying the Causes of Economic Growth. *American Economic Journal: Macroeconomics* 5(2): 152–186.

- Belkin A., Schofer E. 2003.** Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution* 47(5): 594–620.
- Bertrand M., Luttmer E. F. P., Mullainathan S. 2000.** Network Effects and Welfare Cultures. *The Quarterly Journal of Economics* 115(3): 1019–1055.
- Bicchieri C., Rovelli C. 1995.** Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption. *Rationality and Society* 7(2): 201–224.
- Bisin A., Verdier T. 2010.** *The Economics of Cultural Transmission and Socialization*. N. p.: National Bureau of Economic Research.
- Borjas G. J. 1992.** Ethnic Capital and Intergenerational Mobility. *The Quarterly Journal of Economics* 107: 123–150.
- Bouzid B. 2011.** Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries. *International Journal of Peace Studies* 16(1): 53–79.
- Buehn A., Schneider F. 2009.** *Corruption and the Shadow Economy: a Structural Equation Model Approach*. URL: <http://ftp.iza.org/dp4182.pdf>.
- Buonanno P., Montolio D., Vanin P. 2009.** Does Social Capital Reduce Crime? *The Journal of Law and Economics* 52(1): 145–170.
- Casal S. S. 2015.** Cybersociety and Public Debate in 140 Characters: #Unemployment and #Corruption. *Athenea Digital* 15(3): 47–84.
- Case A. C., Katz L. F. 1991.** *The Company you Keep: The Effects of Family and Neighborhood on Disadvantaged Youths*. N. p.: National Bureau of Economic Research. No. 3705.
- Corruption Perception Index. 2017.** URL: <http://www.transparency.org/research/cpi/> (дата обращения: 02.09.2017).
- Della Porta D., Vannucci A. 1997.** The 'Perverse Effects' of Political Corruption. *Political Studies* 45(3): 516–538.
- Dimant E., Krieger T., Meierrieks D. 2013.** The Effect of Corruption on Migration, 1985–2000. *Applied Economics Letters* 20(13): 1270–1274.
- Dzhumashev R. 2014.** The Two-Way Relationship between Government Spending and Corruption and its Effects on Economic Growth. *Contemporary Economic Policy* 32(2): 403–419.
- Goldstone J. 2014.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites Them? *Russia Direct*. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. A. 2011.** Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90: 8–16.
- Gould D. J., Amaro-Reyes J. A. 1983.** *The Effects of Corruption on Administrative Performance*. World Bank Staff Working Paper 580.

- Granovetter M. 2007.** The Social Construction of Corruption. *On Capitalism* / Ed. by V. Nee, R. Swedberg. Stanford: Stanford University Press. Pp. 152–172.
- Hessami Z. 2014.** Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries. *European Journal of Political Economy* 34: 372–389.
- Ionescu L. 2012.** Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis. *Economics, Management and Financial Markets* 7(3): 127–133.
- Julio B., Yook Y. 2012.** Political Uncertainty and Corporate Investment Cycles. *The Journal of Finance* 67(1): 45–83.
- Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. 1999.** *Governance Matters*, World Bank Policy Research Working Paper. No. 2196. Washington, DC: World Bank.
- Khestanov R. 2017.** Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État). *Russian Journal of Philosophy & Humanities* 1: 73–90.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. 2017.** Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality. *The Russian Sociological Review* 16(3): 9–35.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.
- Krueger A. O. 1974.** The Political Economy of the Rent-Seeking Society. *The American Economic Review* 64(3): 291–303.
- Kupatadze A. 2012.** Explaining Georgia's Anti-Corruption Drive. *European Security* 21(1): 16–36.
- Mauro P. 1995.** Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics* 110(3): 681–712.
- Mauro P. 1998a.** Corruption: Causes, Consequences, and Agenda for Further Research. *Finance and Development* 35(1): 11–14.
- Mauro P. 1998b.** Corruption and the Composition of Government Expenditure. *Journal of Public Economics* 69(2): 263–279.
- Méon P. G., Weill L. 2010.** Is Corruption an Efficient Grease? *World Development* 38(3): 244–259.
- Mocan N. 2008.** What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry* 46(4): 493–510.
- Sacerdote B. 2001.** Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates. *The Quarterly Journal of Economics* 116(2): 681–704.
- Schneider F. 2015.** Does Corruption Promote Emigration? *IZA World of Labor*. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/125422/1/iza-wol-192.pdf>.

- Scott E. 2007.** Georgia's Anti-Corruption Revolution. *Organized Crime and Corruption in Georgia* / Ed. by E. Scott, A. Latta. London: Routledge.
- Stangler D., Litan R. E. 2011.** In Egypt, will an Economic Revolution Follow? URL: <http://www.inc.com/articles/201102/egypt-entrepreneurial-revolution.html>.
- Tiihonen S. 2003.** Central Government Corruption in Historical Perspective. *The History of Corruption in Central Government* / Ed. by S. Tiihonen. Amsterdam: IOS Press.
- Topa G. 2001.** Social Interactions, Local Spillovers and Unemployment. *The Review of Economic Studies* 68(2): 261–295.
- Travis J. 2005.** *But They All Come Back: Facing the Challenges of Prisoner Reentry*. N. p.: The Urban Insitute.
- Umaru A. et al. 2013.** Relationship between Crime Level, Unemployment, Poverty, Corruption and Inflation in Nigeria. *Global Advanced Research Journal of Management and Business Studies* 2(8): 411–422.
- UNODC. 2004.** *United Nations Office on Drugs and Crime. UN Anti-Corruption Toolkit*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.
- Van Rijckeghem C., Weder B. 2001.** Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? *Journal of Development Economics* 65(2): 307–331.
- World Bank. 2017.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (дата обращения: 02.09.2017).